

ШАГНИ

В ДОСЛЕДОВАНИИ

Ирина Ваганова

Шагни в послезавтра

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ваганова И.

Шагни в послезавтра / И. Ваганова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2583-4

Каково это перемещаться во времени без машин и приспособлений, одной силой мысли? В пятнадцать лет Сашка обнаруживает в себе уникальную способность и тут же сталкивается с ограничениями и запретами. Оказалось, что быть не таким как все - дар сродни проклятью, но прежняя жизнь кажется слишком скучной, когда есть супер-возможности.

ISBN 978-5-5321-2583-4

© Ваганова И., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Чехарда	5
Так не бывает	8
Мамы	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Чехарда

Сашка шагал по улице так, будто торопился на встречу. Выскочил из дома после разговора с матерью, успев лишь сунуть ноги в кроссовки и схватить с вешалки ветровку. Спустившись на этаж, услышал привычное:

– Шапку надень! Ветер.

Свежий воздух приятно охлаждал разгорячённое лицо. Даже куртку Сашка застегнул не сразу. Сунув руки в карманы и чуть пригнув голову, нёсся по знакомым улицам, срезал путь дворами, словно у него дело какое-то на другом конце города.

Бежал, скрывался от упрёков и нравоучений. Всё достало! Что именно достало, Сашка вряд ли мог объяснить толком. С предками повезло. Так утверждали друзья. Ещё бы! Спокойные уравновешенные люди. Не пьют, не скандалят, дурниной не орут. Всё тихо-мирно. «Это им со мной не повезло», – отшучивался Сашка. С детства его тяготили бесконечные разговоры. Родители долго и нудно убеждали сына: растолковывали, аргументировали – следовали вычитанным советам видеть в ребёнке личность, у которой достаточно ума, чтобы понять любую жизненную ситуацию.

Мальчик ненавидел минуты, когда вместо того, чтобы тупо сказать: «Делай, что тебе говорят!», мать или отец начинали объяснять, почему именно так, а не иначе, надо поступить. Неважно, о чём шла речь: о каше на завтрак, о занятиях спортом, летнем отдыхе, компьютерных играх или чтении книг. Услышав вкрадчивые, вопросительные интонации, знал: через пять ли, через сорок минут разговора он будет вынужден всё «понять» и со всем согласиться. Малышом частенько ныл, стараясь заглушить голос матери, даже ногами топал, а то и по полу катался. С отцом такие штуки не прокатывали, тот брал Сашку за плечи, крепко держал, присев на корточки и вглядываясь в лицо. Попытки зажать ладонями уши пресекал.

С годами выработалась привычка убегать. Выскакивал из квартиры и бродил по двору. Когда подрос, нарезал круги шире. Родители говорили: ничего, походит, подумает и вернётся другим человеком. Он возвращался, перегорев и смирившись. Где-то внутри до поры до времени зрел бунт. Никто, кроме самого Сашки, не догадывался о том, что этот зверь рано или поздно обязательно вырвется.

Сегодня не произошло ничего необычного. Мать пела по накатанной о необходимости поднажать в учёбе. Десятый класс! Не время расслабляться, не успеешь оглянуться, как придёт пора ЕГЭ. Надо беречь здоровье, чтобы не заболеть и не пропускать уроки, надо старательно выполнять домашние задания, посещать факультативы, ходить к репетиторам. И всё это ради высшего образования.

К несчастью, у неприятного разговора был свидетель. Соседка тётя Даша, попивая чай, следила за воспитательным процессом. Собственно, мать с тётей Дашей чаёвничали и разговаривали о Сашке и его упрямстве, когда он зашёл на кухню. Здесь-то и попал под лавину неоспоримых аргументов.

– Ну и что... ну и пусть... да хоть и в армию... – упрямо возражал он. – Если у вас с отцом высшее образование, я тоже обязан в универ? Живут люди и без этого.

Тут и произошло нечто непривычное. Тётя Даша произнесла непонятную фразу:

– Что поделаешь, Мариша, гены. Против природы мы бессильны. Скажи спасибо, не ворует.

Мать, побагровев лицом, обернулась к соседке, а Сашка воспользовался моментом и выскользнул с кухни. В спину ему слышалось:

– Санечка! Время дорого,пустишь,потом не догнать!

– Плевал я на время! – крикнул и пнул ногой входную дверь.

Теперь, безжалостно топча сорванные ветром жёлтые и зелёные листья, мысленно продолжал спор. Скучно жить по указке! Противно истязать себя в угоду какому-то там будущему. Видите ли, сейчас он куёт своё счастье, ха! Отец закончил мехмат московского университета, а теперь торгует принтерами. Мать, дипломированный психолог, сидит логопедом в детском садике. Вот тебе и высшее образование! Ради чего горбатиться над учебниками и тестами?

В глубине души, как обычно и бывало, Сашка понимал: родители правы, но признавать этого не хотел из упрямства, из лени или ещё из чего-то. Погружённый во внутреннюю дискуссию, домчался до городского сквера, где в зависимости от сезона и времени суток гуляли мамы с колясками или распивали пиво молодёжные компании. Пришёл в себя, сидя на скамейке, тротуарная плитка вокруг была заплёвана шелухой от семечек: до него тут двуногие поросята неплохо проводили время. Напротив Сашки стоял мужчина лет тридцати, лицо его казалось знакомым. Тёмно-карие глаза как будто в самую душу всматривались.

– Напрасно, Александр, время не бережёшь, вещь необходимая.

Злость ещё не улеглась, и Сашка буркнул:

– Тебе что за дело? Отвянь!

Уже сказав, осознал, что незнакомец назвал его по имени. Взглянул на дядьку удивлённо. Мужчина, поджав губы, покачивал головой и молчал так, словно подыскивал аргументы.

– Чего пялишься, иди своей дорогой, – процедил Сашка сквозь зубы, помимо воли в голосе появились просящие интонации.

– Предупредить хочу.

Сашка поднялся, стараясь придать взгляду презрительное выражение.

– В советах не нуждаюсь!

Не прислушиваясь к словам незнакомца, рванул прочь. Не хватало ещё одного доброхота!

Через два квартала устал, сбавил шаг. Дыхание срывалось, сердце колотилось, как заячий хвост. Мысли упрямо возвращались к чудному типу, чтобы отвлечься, стал думать об Альке.

Они дружили с пятого класса. В девять лет Сашку отдали в музыкальную школу, где он учился играть на гитаре. Редкое чувство ритма, сильные беглые пальцы, музыкальная память и чутьё сделали парнишку любимым учеником Александра Ивановича. Уже через год юный гитарист пробовал стиль фламенко. Тогда-то учитель познакомил тёзку со своей дочерью, их поставили в ансамбль. Алька была на год старше, играла на фортепьяно. Сашка первое время дичился, ему не хотелось выступать на концертах с девочкой, потом понял: лучшего друга не найти. Альке можно было рассказать всё на свете и быть уверенным, что ни одна живая душа от неё ничего не узнает.

Своё полное имя Аглая не любила, говорила: лающее, собачье. Грозилась поменять в шестнадцать лет. Александр Иванович хмыкал: «Не догоняешь, доча. Шикарное сценическое имя. Звучное, запоминающееся, незатасканное». Хотя сам звал её исключительно Алькой.

«Эх, надо было, как она, после девятого в музучилище рвануть!» – думал Сашка. Не то чтобы он скучал по Альке, которая теперь жила в соседнем городе, они частенько созванивались по «Скайпу», общались в сетях. Сашке нравилась мысль оказаться где-то вне стен родного дома, чтобы не слышать ежедневных вразумляющих речей. Парень при этом совершенно выпускал из виду непростой период подготовки, ведь конкурс большой, Алька, помнится, как одержимая занималась. Разучивание и шлифовка произведений, занятия по сольфеджио и музлитературе требовали не меньше усилий, чем тесты по математике, русскому языку и физике. А он как закончил пять классов музыкальной школы, так и не брался за инструмент, вот уж скоро два года. Чехол, спрятавший испанскую гитару, пылился в углу за шкафом.

Сашка закоченел. Зря мать не послушал, надо было шапку надеть. Небо, ещё недавно высокое, синее, почти летнее, закрыли тучи. Ветер стих, но похолодало так, будто внезапно наступила зима. Куда листья подевались? Деревья в слёзной мольбе протягивали ветви, а их

недавняя одежда, уже побурев, покрывала землю. Сашка ускорился: вот-вот начнёт темнеть, и мать разволнуется, поминутно выглядывая в окно.

Родной двор. Пробежался, увидев, как открывается дверь подъезда, не хотелось окочевшими пальцами жать кнопки кодового замка. Локтём придержал железную створку, пропуская тучную соседку. Тётя Даша вытаращила глаза, будто ей привидение показали. Сашка не стал дожидаться, когда она отомрёт, просочился в подъезд. Ура! Тепло. Взлетел на третий этаж. Отперев замок, постоял. Сейчас мать по обыкновению сделает вид, что ничего особенного не произошло – погулял сынок, подышал свежим воздухом и вернулся домой. Вот и ужин на столе, садись да ешь. Опять стало тошно на сердце. Скорее бы миновал этот унижительный период, полный притворства.

Толкнул дверь, увидел мать, которая стояла в прихожей, широко распахнув глаза.

– Ты чего, мам? – такой реакции Сашка не ожидал.

– Мальчик мой... – дрожащим голосом запричитала мать. – Где ты пропадал?

– Гулял. Нельзя, что ли?

– Санечка! Живой! – Она бросилась обнимать сына. – Надо папе сообщить. Мы тут с ума сходим!

Сашка вспомнил, что отец повёз баракло на дачу и уже должен был вернуться.

– Не приехал ещё?

– Он в больнице... сейчас...

Мать кинулась к телефону.

Сашка переобувался и слушал, как она елеиным голосом говорит в трубку:

– Драгоценный, прошу тебя, не волнуйся, у меня хорошая новость... да... да... Помни, тебе нельзя волноваться! Да... хорошая... очень. Санечка вернулся... Сам, сам пришёл. Представляешь? Слышу, ключом кто-то дверь открывает, кинулась в прихожую, а он заходит!.. Нет, я не плачу. Всё хорошо!.. Конечно! Завтра заглянем к тебе. Спокойной ночи.

– Что с ним? – спросил Сашка, он уже стоял рядом с матерью.

Та, не отводя светлого взгляда от его лица, поглаживала по руке и говорила:

– Мы на опознание поехали, папа увидел того мальчика, что это не ты, и повалился. Сердце прихватило, на скорой отвезли в больницу. Сейчас в кардиологии лежит.

– Какое ещё опознание? Ты чего говоришь-то, мам?

Сашка напрягал мозги. Разыграть его решили? Проучить? Чокнутых изображают?

– Что ж я стою, глупая?! Ты грязный, голодный! – она засуетилась. – Помоешься или сначала поешь?

– Я только вчера мылся. Ма-а-ам?

– Ну, переоденься хотя бы, месяц в одной рубашке! А я пока плов разогрею.

Сашка послушно поплёлся переодеваться. Из комнаты крикнул:

– Вроде голубцы готовила!

Мать через минуту появилась в дверном проёме.

– Ты помнишь?

– Чего? – спросил Сашка, натягивая майку.

– Помнишь, как я тогда голубцы готовила, – она заплакала. – Мы с отцом думали, ты совсем нас знать не хочешь!

– Ладно тебе, очень даже хочу. Ладно, плов так плов. Идём, я и правда проголодался.

Пока Сашка ужинал, мать сидела напротив, подперев кулаком подбородок. Непривычная тишина давила, паренёк постарался как можно быстрее опустошить тарелку и пошёл к себе, буркнув: «Спасибо». «Что-то эти психологи новенькое пробуют», – рассуждал он. До полуночи просидел за компьютером, вдоволь наигрался. Мать не заглядывала с уговорами.

Так не бывает

Проспал. Открыл глаза – солнце бьёт в окно, шторы не задёрнуты. Сашка сел на кровати, огляделся. Ого! Второй час! Что ж это мать не разбудила в школу? Наверное, спозаранку в больницу решила сгонять, обещала вчера отцу. Почему, интересно, папа так неожиданно заболел? Сашка потащился в туалет. Он мысленно благодарил мать за возможность выспаться, странно только, что она позволила прогулять уроки.

Голод звал на кухню. Там Сашка увидел сидящего за ноутбуком отца. Тот протянул:

– А-а-а-а! Ты здесь.

Голос казался равнодушным, но Сашка заметил, как отцовские пальцы стиснули несчастную мышку, и постарался сделать безразличный вид:

– Где мама?

– Уже две недели, как уехала к бабушке.

– Подожди, пап, она меня ужином вчера кормила, – Сашка опустил на табурет. – Вы нарочно? Мать сказала, что ты в больнице, ты теперь говоришь, что она у бабушки. Хотите, чтобы я свихнулся?

Отец закрыл ноутбук, опёрся локтями на стол.

– В больнице я два с половиной года назад лежал, – вдумчиво посмотрев на сына, добавил: – Ты независимо живёшь, исчезаешь, появляешься...

– Честное слово, папа! Я больше не буду! Не надо меня лечить.

– От нас, драгоценный, это не зависит.

Брови сдвинулись к переносице. Заметно было: Самойлов старший решает, сказать что-то важное, или не говорить. Через мгновение лицо его разгладилось, губы растянулись в улыбке.

– Ладно, мне надо идти. Клиент нервный попался, если опоздаю на встречу, штраф выкатит, – отец поднялся. – Мать велела держать дома еду. Так что в кастрюле каша, накладывай. Если на обед останешься, в морозилке пельмени. Уходить будешь, деньги возьми в шкатулке. Всё. Давай!

Проходя мимо, взъерошил сыну волосы, наклонился, поцеловал в макушку. Вскоре хлопнула дверь. Сашка сидел неподвижно. Что происходит? Родителей из крайности в крайность швыряет. То каждый вдох контролировали, теперь самому себе предоставили. Уж лучше бы в школе сидел.

Что это? Мальчик вскочил, глядя в окно. Двор, залитый солнечным светом, приветствовал его молодой зеленью. Кружево ветвей окутывала лёгкая дымка проклюнувшихся листочков. Не только родители, но и природа сошла с ума? Потянуло на улицу. Вот дела! В сентябре майская погода! В прихожей, схватив ветровку, заметил на двери приклеенный альбомный лист. «Санечка! Обязательно поешь и деньги не забудь взять. Целую, мама». В груди потеплело, глаза защипало. Поплёлся на кухню.

В кастрюле обнаружилась серая неоднородная масса. Сашка скривился. Лучше пельмешек отварить. Возился долго, не рассчитал порцию, еле запихал в себя. Приправил всем, что нашёл в холодильнике, – горчица, кетчуп, майонез. Грохотала музыка. Дома пусто, соседи тоже, скорей всего, на работе, никто не запрещает слушать любимую группу. Выбравшись из-за стола, скептически осмотрел кухню. Помыть посуду? Ещё решат, пожалуй, что новые методы действовали. Оставил всё как есть.

Надо ж было так объесться! Дополз до комнаты родителей, хотел поваляться на диване, киношку посмотреть. В комнате беспорядок. Слой пыли на полках, неполитые цветы, неубранная постель! Мать не терпела разложенного днём дивана. Правда уехала? Мальчик растерянно озирался. Стало беспокойно. Кино раздумал включать, решил позвонить другу своему Бену.

Нашёл мобильный, который кто-то на зарядку поставил. Выбрал из списка контактов Бенетова Славу. Абонент вне зоны доступа. Странно, из школы должен бы вернуться, может, телефон у Бена сел? Придётся добежать до Славкиного подъезда. Вспомнил про деньги, мать в записке велела взять с собой, полез в заветную шкатулку. Родители оставляли там рублей двести на случай, если понадобится купить молока или хлеба. Удивился, обнаружив три тысячи. Нечего себе! Можно с Беном в кино забуриться. Сначала взял всё, но поразмыслил и вернул две банкноты обратно.

Выскочив на улицу, пожалел, что нацепил ветровку. Теплынь! Пришлось снять и замотать рукава вокруг пояса. На звонок домофона откликнулся женский голос.

– Здравствуйте, – вежливо сказал Сашка, – Бена... Славика пригласите, пожалуйста.

– Кто это? – встревоженно спросила мама Бена, Сашка узнал её.

– Это Самойлов, Маргарита Михайловна.

– Заходи.

Сашка мигом оказался у дверей квартиры на первом этаже. Маргарита Михайловна открыла дверь и кивнула, приглашая.

– Не разувайся, давай-ка на кухню.

Сашка ощутил привычный трепет. Славкина мама преподавала английский язык, должна была ещё в школе во вторую смену работать и вдруг дома оказалась. Борясь с волнением, спросил:

– А Бен... Слава где?

Женщина дождалась, когда мальчик усядется за стол, поставила перед ним чашку чая, вазочку с конфетами, села и тогда только заговорила.

– Вячеслав в санкт-петербургском университете. Он всегда хотел туда и поступил, ты не знал?

– Как в университете? Чего он там делает?

– У него сессия, последний экзамен двадцать шестого июня. Как сдаст, домой приедет. А ты где? Родители забрали из школы документы, ничего не объясняя. Ходили слухи, что ты сбежал из дома.

– Никуда я не сбежал, – Сашка напрягся. – Когда они документы забрали? Зачем?

Женщина молчала, рассматривая Сашку, как будто сто лет не видела.

– Всё такой же. Подумать только, три года прошло, а ты ничуть не повзрослел.

– Я пойду, пожалуй, – Сашка отодвинул чашку. – Спасибо. Славiku привет передавайте.

В коридоре Маргарита Михайловна поинтересовалась:

– Учишься? Работает?

– До свиданья! – Сашка выскочил из квартиры.

Во дворе осмотрелся. На площадке малышня играла в футбол, в тени на лавочке судачили старушки. На деревьях листья огромные, зелёные, но ещё не пыльного оттенка. В самом деле июнь? Это никак не укладывалось в голове. «Сказала, три года прошло, – думал Сашка, – отец тоже про два с половиной года говорил. Как такое может быть?» Бен в Питере. Врёт Маргарита? Предполагать сговор родителей и учителей не хотелось, это как же надо было озлобиться! Вспомнил о деньгах. Одному в кинотеатр идти было как-то странно. Альку пригласить? Если сейчас почему-то июнь, она может быть дома. Набрал номер. Абонент недоступен. Бесконечная цепь недоразумений начала надоедать.

Сашка бесцельно бродил по городу, пытался дозвониться до Альки, до знакомых ребят, никто не отвечал, даже мать. День казался бесконечным, несколько раз принимался сеять дождь. Проголодавшись, Сашка повернул к дому, по пути купил хлеба. В подъезде опять столкнулся с тётей Дашей. Караулит она его здесь? Соседка испуганно прижалась к стене, пропуская парнишку, и спросила:

– Тебя выпустили уже? А родители в милицию помчались...

Сашка покосился на неё, едва слышно сказав: «Здрасте».

Когда открывал замок входной двери, сердце колотилось, как сумасшедшее. Предчувствие новых загадок тревожило.

– Кто дома? – крикнул в пустоту квартиры, сам ответил: – Никого. Ладно, сейчас каши наварю.

Кастрюля по-прежнему стояла на плите. Подняв крышку, Сашка замер. Борщ. Пощупал – тёплый. Сварили часа полтора назад. С крышкой в руках уселся на табурет, покосился на стол, грязной тарелки нет, коврик из-под пельменей тоже исчез, вернее, он вымыт и стоит на полке. Мама? Вернулась?

– Мама! – крикнул на всякий случай.

Тишина. Наверное, в магазин ушла. Вот удивится, увидев, что он хлеб купил. Сбегал в прихожку, где остался пакет, надо на место положить. В хлебнице почти целая буханка. Вдохнул. Мать уже купила. Зачем тогда ещё пошла? Было тоскливо одному в пустой квартире. Чтобы заглушить неприятное чувство, налил полную тарелку борща. Вкусный! Мамин. Вздрыгнул от стука рамы: соскочила с ограничителя, за окном буйствовал ветер. Сашка закрыл окно плотнее и удивлённо уставился на неуместную картину. Подтаявший тёмный снег, земля кое-где чёрными дырами. Сырые голые ветки, на них воробышки. Вот тебе и лето. Сашка отвернулся. Надоело! Вымыл тарелку с ложкой, положил на место. Вдохнул, осматриваясь. Хорошо, что дома ничего не меняется. Ну, почти не меняется.

Опять до одури играл в компьютерные игрушки, уснул, так никого и не дождавшись.

Утром, едва прогнав сон, Сашка поднялся на локте и выглянул в окно. Какое нынче время года? По стеклу струились потоки воды. Ливень. От его-то шума и проснулся.захотелось укрыться с головой. Скрипнули половицы, в комнату заглянула мама. Сашка сел в кровати.

– В школу, мам?

– Ты уже месяц пропустил, отстал, наверное.

– Всего один день! Вчера проспал. Почему не разбудила? Папа вообще сказал, что ты у бабушки. Вернулась?

– Папа в больнице. Мы хотели сходить к нему, помнишь?

– Ага! – Сашке стало хорошо-хорошо. Кажется, посещение Маргариты Михайловны пришло ему, и лето тоже, и борщ. – Помню, конечно. Мам, а как он в больницу-то попал? На дачу уезжал здоровый.

Мальчишка вскочил с постели и, не удержавшись, обнял мать. Она тоже обняла его и расцеловала в щёки.

– Сыночек, радость моя, где ж ты пропадал целый месяц? Мы в розыск подавали. Думали, уже не увидим тебя, – причитала она, – телефон отключил. Как ни позвоним, всё недоступен.

– Я тоже вам не мог дозвониться.

– Больше не поступай так, пожалуйста, а то сердце отцовское не выдержит.

После завтрака действительно поехали в больницу. В палаты не пускали. Отец вышел в холл, где стояли бежевые дерматиновые диваны. Увидев Сашку, шагнул к нему, обхватил, привлёк к себе.

– Сына! Как же ты это, а? Больше так не делай! Мы с матерью очокуемся.

– Как ты, Паша? – мать сменила тему, опасаясь, что начнётся обычная проработка.

– Обещали отпустить. Всё нормально, тем более теперь, когда сын найден.

– Разве я терялся? – Сашку измучили загадки. – Скажите мне, у вас продвинутая система воспитания? А? Может, ещё учителей подключили? Маргарита Михайловна что-то там про документы плетёт, будто вы их забрали из школы.

Родители посмотрели друг на друга и одновременно спросили:

– Когда ты успела?

– Ты забрал?!

– Не-е-не понимаю! – взвился Сашка. – Ушёл погулять часа на два, разве это причина так меня наказывать? А? Учусь нормально. Подумаешь, трояков нахватал. Исправлю. Полкласса из двоек не вылезают!

Увидев, что мать хочет возразить, заговорил громче:

– Помню-помню, вас не интересуют другие, только я...

– Прекрати истерику! – визгливо крикнула мать. – У папы сердце!

– Тише, тише, Марина. Сейчас разберёмся, – вмешался отец, – иди пока с доктором побеседуй, он хотел тебя видеть.

Мать гневно сверкнула глазами в Сашкину сторону и удалилась.

– Присядем, сынок, – сказал отец, они расположились на одном из диванов. – Значит, ты говоришь, отсутствовал два часа?

– Или три. Мама с тётей Дашей пили чай на кухне, я ушёл погулять, а когда вернулся, она говорит, будто меня месяц не было.

– Сейчас, по-твоему, сентябрь?

– Конечно, – пожал плечами Сашка.

– И где ты был? Что делал эти два или три часа? – по-прежнему спокойно спрашивал отец.

– Просто ходил. В сквере посидел, там ко мне мужик прицепился. Станный такой. Я подумал из этих... как сказать. Ну, вы всегда предупреждали, чтобы я не разговаривал... Я и драпанул.

– Ладно, Саня, забудем. Завтра в школу. Мы документы не забирали, разговор был, но... Если ты готов учиться, учись. Хотя можно и в колледж пойти.

Вернулась мама, оценив обстановку, тихо сказала:

– Не нашла, он в другом отделении, говорят.

– Ничего, позже забежишь, – отец поднялся. – Мы тут всё обсудили. Саня завтра в школу должен пойти. Я директору позвоню, выясню, как нам поступить. Объяснительную написать или ещё чего. Разберёмся. Извини, сынок, мы с мамой пошепчемся?

Сашка отошёл в сторону, но всё-таки расслышал, как отец говорил про мужика. Мать испуганно оглянулась, Сашка сделал вил, что изучает плакаты на стене.

Покинув больницу, молча дошли до остановки.

– Тебя проводить домой? – спросила мать. – Я всего на два часа отпросилась, уже надо спешить.

– Что я, маленький?

– Знаю, знаю, – улыбнулась она, – ты вырос. Извини, привыкла с дошколятами возиться.

– Ладно. Твоя «двоечка»!

Мать взмахнула рукой и легко побежала к открытой двери маршрутки. Сашка пошёл домой. В хорошую погоду можно бы и в парке посидеть, раз уж уроки пропустил, но студёный ветер пронизывал до костей, люди поднимали воротники, кутались в шарфы и капюшоны. Надо же, синоптики тёплый сентябрь обещали.

– Сашка! – громкий знакомый голос. – Сашка! Стой!

К нему бежала Алька с порхающей следом папкой для нот. Надо же, только вспоминал.

– Привет! – Сашка с удивлением разглядывал повзрослевшую округлившуюся подружку. – Не ожидал, что в училище так хорошо кормят студентов.

Алька не обратила внимания на его слова, она заметно волновалась.

– Тебя отпустили? Думала, ты в армии.

– Чего мне там делать? – удивился Сашка.

– Ну да. Вон какой худенький. Совсем на свой возраст не выглядишь. Правда, мне Светка сказала, таких специально в больницы кладут и откармливают.

– Какая ещё Светка?

– Та, что тебя на призывном пункте видела, её парня тоже забирали. Она со мной училась. Алька шла рядом, разглядывала Сашку весело и с хитрецей. Он не знал, что сказать, поэтому спросил.

– А здесь ты что делаешь? Выгнали?

– Кто меня выгонит? Я же в декретном отпуске. Кстати, почему не пришёл на крестины? Я так хотела, чтобы ты крёстным был. А ведь обещал. Решила, забрали тебя, права Светка.

– Как это – в декретном отпуске? Может, в академическом?

– Кто же учителям академический отпуск даёт, – расхохоталась Алька. – Скажешь тоже! После училища всего один год в нашей школе отработала, когда Маруся родилась. Я же тебе рассказывала!

– Кем работала? – Сашка решил, что Алька разыгрывает его.

– Сольфеджио преподавала. Наша-то Тимофеевна ушла-таки на пенсию, вот меня и взяли. Правда, теперь ей пришлось вернуться на некоторое время. Отдам дочку в садик, сменю её.

– И где же теперь твоя дочка? – Сашка хотел поймать Альку на вранье.

– С мужем. Они гуляют у вас во дворе, – девушка не заметила иронии. – Я заниматься бегала, готовлюсь в консерваторию. Сергею пришлось отпроситься с работы.

У Сашки возникло горькое ощущение предательства. И Алька туда же! Шёл, плотно сомкнув губы и сжав кулаки, на вопросы не отвечал. Девушка рассказывала, как тяжело после перерыва готовиться к поступлению в консерваторию, надо было сразу после училища, но любовь, что поделаешь! Встретила Серёгу и про всё на свете забыла.

– Ну, я же тебе рассказывала, как мы познакомились! А вот и они. Видишь?

Навстречу катил коляску коренастый коротко стриженный мужчина, на вид лет тридцати.

– Серёжа! Опять без шапки! – Алька подбежала к супругу, подняла воротник его пальто. – Знакомся, это Саша, тот самый.

Мужчина протянул крепкую ладонь и весело сказал:

– А я, признаться, ревновал. Аглая, почему ты не сказала, что твой друг ещё ребёнок?

– Он всего на год меня младше, просто выглядит так, его даже в армию не взяли, – сказала бывшая Сашкина подруга, глядя светло и печально. – Сань, мы пойдём? Марусю кормить пора, сейчас проснётся и раскричится на всю Ивановскую.

– Да, конечно, – пожал плечами Сашка, продолжая стоять пнём.

– Ты заходи навестить, мы живём там, где и раньше, а папа с мамой переехали в Серёжину однокомнатную.

– Александру Ивановичу привет передавай, – кивнул Сашка и нехотя пошёл к подъезду.

Его опередил мужчина в форме. Поднимаясь за ним следом, Сашка строил предположения, кто бы в их смирном доме мог вызвать полицию. Участковый остановился у двери их квартиры, позвонил, потом оглянулся и, смерив подростка оценивающим взглядом, спросил:

– Ты, что ли, Александр Самойлов?

Почему-то вспомнились Алькины слова о призыве в армию. В самом деле забирают? В пятнадцать-то лет? Открылась дверь. Полицейский, схватив парнишку за рукав и подтянув ближе к проёму, спросил показавшуюся там мать:

– Э тот?

– Санечка! – воскликнула она.

– Вы определитесь, гражданка Самойлова, нашёлся он у вас или потерялся, – строго сказал участковый и обернулся. – А ты прекращай придуливаться, мало у нас работы, что ли?

– Извините, пожалуйста, – жалобно говорила мама вслед спускающемуся по лестнице полицейскому.

Сашка не знал, обижаться ему или, напротив, прощения просить. Сказал просто:

– Ты на работу чего не пошла?

– Так суббота.

«Странно, если суббота, почему отец велел завтра в школу идти?» – подумал Сашка, но сказал другое:

– Из больницы в садик поехала. Забыла, что суббота?

Мать прислонилась спиной к стене и, глядя, как сын разувается и вешает куртку на крючок, беззвучно заплакала.

– То говоришь, месяц меня не было, теперь... – ворчливо начал Сашка, но осёкся, увидев отца.

Тот сказал сухо:

– Мариша, там у тебя ничего не пригорит? – дождавшись, когда жена, вытирая слёзы рукавом халата, уйдёт на кухню, обернулся к сыну и кивнул. – Пошли поговорим.

Сашка поплёлся за ним в комнату. Хотел спросить, как он мог выписаться из больницы и раньше него оказаться дома, но не решался. Отец жестом велел сесть на диван и стал расхаживать по комнате. Некоторое время молчали, потом Самойлов-старший заговорил:

– В прошлый раз утверждал, что гулял два часа, на самом деле где-то шлялся целый месяц. Надо было, конечно, тебя обследовать. Может быть, этот фрукт одурманил чем-то, и у тебя начисто память отшибло. Никто не думал, что ты опять исчезнешь!

Он постоял, глядя в окно, потом обернулся.

– Представь, как чувствовала себя мама, когда вернулась домой после работы, а тебя опять нет! И на следующий день, и ещё через день. Кого на этот раз ты встретил? Ведьму? Чародея?

– Папа, я сразу после больницы домой пошёл, – губы дрожали, подбородок трясся, Сашка ничего с этим не мог поделать. – Можешь у Альки спросить, мы вместе шли.

Сказав это, пожалел. История с мужем Альки и её дочкой теперь и самому казалась неправдоподобной. Чтобы отвлечь отца от необдуманного оправдания, спросил:

– Тебя выписали?

– Нет. До вечера отпустили домой, скоро пойду обратно. В понедельник выпишут или во вторник, у них там какая-то хрень с койко-местами.

Отец, прошептав ещё что-то невнятное, вышел из комнаты. Сашка услышал, как он говорит по телефону с Александром Ивановичем, и понял, что «алиби» не подтверждается. Впору разреветься от несправедливости и необъяснимости происходящего, но Сашка крепился. Уже лет десять не давал воли слезам. Чтобы отвлечься, включил телевизор, пощёлкал каналы, наткнулся на документальный фильм об исследованиях поверхности Марса. Заинтересовался. Смущал только закадровый текст, напоминавший о скором праздновании дня космонавтики. «Что это они за полгода начали праздновать», – подумал и посмотрел в окно. Голые мокрые ветки деревьев, высокое яркое солнце.

– Папа! – крикнул Сашка.

Никто не отозвался. Прошёл на кухню, заглянув по пути в свою комнату. Никого. Родители не могли уйти незаметно, он бы услышал. Нарочно крались? Отомстить захотели, чтобы и он переживал? Ещё раз обошёл всю квартиру. На своём столе, где царил непривычный порядок, нашёл письмо. Почерк отцовский.

«Сын, я понял, что происходит. Не думал, что такое возможно. Ты заблудился во времени. Это, конечно, версия. Если объяснишь иначе, напиши ответ. Любим тебя. Папа и мама».

Сашка уселся, ещё раз перечитал отцовское послание. Вспомнил слова незнакомца. Мстит ему время? Обиделось? Верить в это трудно. А что тогда? Как объяснить иначе? Если все вокруг сговорились и устроили грандиозный розыгрыш, то надо терпеливо ждать, когда им надоест. Сашка посмотрел через дверной проём в прихожую, ждал, когда с криками и букетами в комнату впрыгнут нарядные незнакомые люди.

Покрутил в руках карандаш, раздумывая над ответом, потом вывел: «Другой версии нет. Мне очень тяжело». Подумал и стёр ластиком жалобу. Им не легче. Пошёл на кухню. Нашёл в сковородке любимые блинчики с мясом. Не заметил, как умял три штуки, запивая холодным молоком. Мама бы сейчас взмолилась: «Санечка! Подогрей, схватишь ангину!» Куда они подевались? Почему так внезапно ушли, даже не предупредив? Выходной как-никак. Сашка вернулся в комнату родителей. Экран телевизора не светился. Не выключал, точно. Одна странность за другой. Нажал красную кнопку пульта. Канал «Культура», мать обычно смотрит его. Может быть, мама с папой всё-таки здесь? Прячутся? Мальчик нервно огляделся и вслух ответил собственным мыслям: «Не дети они, в конце концов, чтобы в прятки играть!»

Пощёлкал каналами. Ничего интересного. Выглянул в окно. Ага! Погода снова изменилась, асфальт сухой, ветер гонит пыль. Прав отец? Время для Сашки течёт по-своему? Индивидуально? Надо проверить, лежит ли ещё письмо на столе. Побежал в свою комнату. Листок на месте, только маминой рукой сделана приписка: «Санечка, носи всегда в кармане паспорт, пожалуйста!»

Достал из ящика стола паспорт, сунул в задний карман джинсов. Тянуло на улицу. Решил навестить Альку, приглашала. Оделся и выскочил из квартиры. На улице жара. Опять июнь! Вернулся домой, снял куртку, подумал, взял школьный рюкзачок, вытряхнул из него учебники, положил вместо них куртку, шапку, перчатки. Протяжно вздохнул и не торопясь пошёл. Погода не переменилась. Сашка зашагал в сторону Алькиного дома. Интересно, у неё с прошлой встречи произошло что-нибудь? Развелась или в консерваторию поступила? Почему-то стало весело. Окна домов подмигивали солнечными зайчиками, птицы щебетали, прячась в листве.

Никого не застал. Трезвонил так, что из соседней двери выглянула любопытная морщинистая физиономия и зашамкала:

- Нету их. Сам гастролирует где-то. Аглая в училище.
- Спасибо, – кивнул Сашка, не трогаясь с места.
- Знаю тебя, видела с ими, – сообщила физиономия и спряталась.

А не съездить ли в училище? Посмотреть, где Алька учится. Маршрутка останавливалась неподалёку. Повезло, чуть пробежался и успел заскочить, когда нужный номер готовился отъезжать. Интересно, что Алька делает в училище летом? Экзамены сдаёт? Сашка скосил глаза, пытаясь разглядеть дату на экране планшета, что держал сосед. Прыщавый подросток отодвинулся и буркнул:

- Чего надо?
- Число какое сегодня?
- Пятое, – сосед хрюкнул, смешно ему, видишь ли.
- Июня?

Взгляд прыщавого посерьёзnel. Парень ещё немного отодвинулся и кивнул.

– Кто музучилище спрашивал? – крикнул водитель и затормозил у давно не крашеного приземистого здания.

Сашка выскочил из маршрутки и в два прыжка достиг облупленного крылечка. Рванул дверь и натолкнулся на сухонькую старушку с кружкой чая и печенюшкой в руках.

- Ох! Напугал, – присела она. – Пожар, что ли, чего несёшься?
- Извините, – замер паренёк, – мне бы девочку найти. Знакомую.
- Все девочки на каникулах, милый. И мальчики тоже. Одна я тут да директор в кабинете.

Вот, дверь забыла запереть. Иди-иди. Дома ищи.

– Да был я дома, – спорил Сашка, – сказали, в училище поехала. Летние каникулы? Экзамены прошли?

- Какие летние, сердешный, да у тебя с головой непорядок! Иди-иди!

Она, ловко орудуя локтями, подталкивала Сашку к выходу.

– Раздетый совсем. Морж?

Спорить было бесполезно, Сашка подчинился.

Зима! Тихое морозное утро. Путаясь в лямках, стянул рюкзак, вытащил куртку и шапку, оделся. Не по сезону, конечно, но всё лучше, чем в футболке. Съёжившись брёл по заснеженной дорожке. Кроссовки мгновенно задубели, было чувство, что шагает босиком.

– Санёк!

Оглянулся. Хрупкая румяная девушка в белой мохнатой ушанке и такой же шубе. На снегурочку похожа.

– Алька!

– Ты чего здесь делаешь?

Сашка не ответил, переминался, постукивал одной ногой о другую, думая лишь о том, как бы попасть в тепло.

– Кафе здесь, за углом. Бежим! – сообразила Алька.

Оказавшись в полупустом помещении, Сашка бросился к столику у стены и придвинул стул как можно ближе к батарее.

– Закаляешься? – пошутила девушка.

Поняв, что кавалер не в состоянии что-либо говорить, сделала заказ. Сняла шубку, положила рядом на стул. Сашка продолжал сидеть в куртке. Ему стало хорошо от тепла и ласково журчащей Алькиной речи. Сделав несколько глотков ромашкового чая, совсем согрелся. Заказанные подругой сырники кстати пришли.

– Ты с кем дочку оставила? Серёга сидит?

– Кого? Какую дочку? – вскинула брови Алька. – Послушай! Откуда про Сергея знаешь?

– А ты... вообще что тут делаешь? – Сашка перевёл разговор.

– Я понятно, в училище здесь, а ты как тут оказался?

– Гуляю, – передёрнул плечами он, вспоминая мороз.

– Нет, всё-таки скажи, откуда знаешь о Сергее? Мы с ним только месяц назад познакомились, – глаза Аглаи стали мечтательными, губы дрогнули в улыбке. – Он очень хороший. На концерте мне вот такой огромный букет подарил.

Она развела руки, засмеялась.

– Ну, ладно, не такой, но очень красивый. Ты не рассказывай никому, ещё неизвестно, как у нас дальше получится.

– А чего неизвестно? Поженитесь, дочка получится. Маруся, – тоном провидца сказал Сашка.

Девушка опять засмеялась, потом смутилась своего безмерного счастья и спросила:

– Ты откуда куда?

– Домой.

– Надо взять такси, а то заболеешь. Я дам денег, – она порылась в сумочке, доставая кошелёк. – Последние, правда, но завтра стипендия.

– У меня есть! – вспомнил Сашка. – Тысяча.

Он достал из кармана мятые бумажки и мелочь.

– Я только хлеб покупал, тут видишь... девятьсот и вот ещё. Оплачу заказ, и на такси останется.

– Давай пополам хотя бы. Родители заругают, – сомневалась Алька.

– Не-е, они про эту тысячу позабыли давно.

– Хорошо, я вызову машину.

Пока спутница разговаривала по телефону, Сашка разглядывал её. Как всё-таки хорошо в своём времени или почти в своём. Люди выглядят привычно, у них общее прошлое и неизвестное будущее.

– Если ты окажешься прав, – заговорила Алька, отложив телефон, – у меня и Сергея родится девочка, я приглашу тебя в крёстные.

– Ладно. Что собираешься после училища делать?

– Мне обещали рекомендацию в консерваторию. А ты? В этом году ЕГЭ, если я правильно помню, куда будешь поступать?

Сашка махнул рукой.

– Пойду Родине служить.

– Серьёзно? А родители согласны?

– Кто их спрашивает.

Аглая грустно смотрела на товарища, с сомнением качая головой:

– Странно.

– Забей.

Звякнул мобильник, сообщая об эсэмэске. Девушка глянула на экран.

– О! Уже машина подъехала. Быстро! Наверное, рядом была. Пойдём?

Сашка отсчитал нужную сумму, положил в папочку с чеком. Алька добавила свои десять рублей, пояснив:

– На чай.

Она оделась и пошла к выходу. Сашка поплёлся следом. Расставаться не хотелось, жалко было незамужней, прежней Альки. Какой-то он встретит её в следующий раз? Очень хотелось шагнуть отсюда в завтра, или хотя бы в послезавтра, а не прыгать через годы кузнечиком.

Сел на заднее сидение, взглянул на Снегурочку, которая наклонилась, чтобы лучше его видеть, и послала воздушный поцелуй. Сашка махнул рукой. Машина тронулась. Немолодой тучный водитель сказал со знанием дела:

– Красивая у тебя подружка!

– А то! – согласился Сашка.

Пока ехали, преодолевая пробки, таксист то и дело чертыхался, а Сашка размышлял о своей незавидной доле. Неопределённость, которая ждала дома, уже не пугала, а вызывала тоску, сожаление об утраченной предсказуемости.

Встретил его отец. Сашка не успел дверь открыть, как услышал:

– Марина! Он пришёл!

Мать тут же выскочила в прихожую.

– Санечка! Как ты?

– Нормально.

– Я щи сварила из кислой капусты. Твои любимые.

– Здорово!

– Мариш, мы сначала поговорим, потом поест. Идём в комнату, Саня.

– Он голодный, наверное!

– Не, мам, я только что сырники съел в кафе.

– Ладно, руки помой, неизвестно, где ты шатался.

Сашка шагнул было к ванной, но испугался, что, когда выйдет оттуда, родители исчезнут.

– Потом, сначала с папой поговорю. Хорошо?

Мать не стала спорить, ушла на кухню. Отец обнял Сашку за плечи, провёл в комнату, усадил на диван, сел рядом.

– Читал мою записку?

– Да.

– Почему не ответил?

– Я написал, может ещё...

– Понятно, – отец потёр лоб, виски, потом обернулся к сыну. – Где был? Что делал?

Сашка подробно рассказал про Альку, непонятную смену времён года, неожиданное наступление ночи. Отец слушал внимательно, хмурил брови и покачивал головой в подтверждение своим мыслям.

– И что ты обо всём этом думаешь?

– Не знаю, папа, уже не могу думать, просто хочу, чтобы всё стало, как прежде.

– Как тебе кажется, когда происходит перескок?

– Перескок? – Сашка почесал затылок. – Если я с кем-то разговариваю или рядом нахожусь, вижу его и тот человек меня видит, ничего не происходит. Время идёт, как обычно. Стоит выйти в другую комнату или на улицу – месяц, а то и год коту под хвост. Когда сплю, тоже неизвестно в каком году просыпаюсь.

– Та-а-ак, – протянул отец, – значит, общаясь с кем-то, ты живёшь в том же ритме, а стоит вниманию ослабнуть...

– Наверное, мне надо всё время дома сидеть?

– Можно, конечно, и дома сидеть, но...

– Да. Надо чтобы кто-то рядом был. Давай я к бабушке поеду, она на пенсии, никуда не ходит. А в магазин будем вместе.

– От сна тоже откажешься? – отец помолчал, вздохнул и произнёс с расстановкой: – Не верится, что это происходит на самом деле.

Сашка откинулся на спинку дивана и рассматривал потолок, сдерживая слёзы.

– Ни учиться, ни работать ты не сможешь. Как тебе жить? Мы с матерью не вечные. Квартиру, конечно, на тебя перепишем, чтобы ты и после нашей смерти мог сюда приходить, но надо будет платить за коммунальные услуги, да и налоги.

– Пап! Ты чего? Думаешь, это навсегда?

Отец поднял плечи, да так и остался сидеть – напряжённый и строгий.

– Пап! Это не может быть навсегда! Так не бывает! Скажи мне! Папа! – Сашка схватил отца за руку и тряс её, не в силах совладать с эмоциями.

– Дело в незнакомце? Как тебе кажется? В проклятии? – спросил Самойлов-старший.

– Какой незнакомец? А! Тот, в парке... Он вроде по-доброму со мной разговаривал.

Эти слова услышала мать, которая тихо подошла и теперь стояла в дверях.

– Санечка, я должна тебе сказать... – она мяла свои пальцы, хрустя суставчиками. – Ты уже большой, потом, так всё повернулось. Не знаю, когда теперь сможем поговорить.

– Марина! – супруг поднялся и шагнул к ней. – Не надо! Это другая история.

– Я не знаю, Паша! Вдруг поможет? Если Санечка узнает правду.

– Какую правду, мам? – Сашка тоже встал и во все глаза смотрел на родителей.

– Дело в том, что я не способна выносить ребёнка. Мы с папой совсем отчаялись, уже хотели брать из детского дома, но знакомая тётки Даши устроила всё иначе.

– Что устроила? – не понял Сашка.

– Мы взяли тебя сразу из родильного...

– У меня другая мать?

– Марина! Не надо было. Мальчику и так тяжело!

Женщина зарыдала и уткнулась мужу в грудь, тот поглаживал её плечо и говорил Сашке:

– Пойми, сын, это не имеет никакого значения. Ты нам родной, мы любим тебя и...

– Да, конечно, папа. Я к себе пойду. Можно?

Он прошёл мимо родителей, глядя в пол, свернул в свою комнату и упал на кровать. Ни о чём не думал. Вернее, не думал об открывшейся правде. Вспоминал Альку. Как они сидели в кафе, как она смеялась, как рассказывала о своём Серёже. Потом пришли на память их совместные выступления на концертах, аплодисменты, крепкие рукопожатия Александра Ивановича.

Мамы

Прележав так с полчаса, мальчик слез с кровати, достал из чехла гитару, подстроил и провёл по струнам пальцами. Знакомые ощущения, гулкие печальные звуки растопили душу. Вскоре в комнату зашла мама, весело глянула на Сашку и сказала:

– Доброе утро, драгоценный. Взялся за инструмент? Вот папа обрадуется! Он сегодня из больницы выписывается.

– Хорошо, – ответил Сашка и стал наигрывать любимую баркаролу.

Мать стояла, слушала с тёплой ласковой улыбкой, а сын боялся, что она выйдет из комнаты и опять пропадёт.

– Сварить какао?

Сашка кивнул, мать повернулась, чтобы идти на кухню, он бросился следом.

Глядя, как греется в ковшике молоко, стоял рядом с мамой, которая смешивала какао-порошок с сахаром, добавляла немного кипятка. «Ещё не знает, что уже открыла свою тайну, – думал сын, – можно вести себя, как и раньше».

– Сейчас позавтракаешь, и поедem папу встречать. Я отпросилась.

– Ага, мам, – и вдруг вспомнил. – А в школу?

– Ты столько пропустил без уважительной причины, – развела руками мама. – Ждут нас с отцом на педсовете. Наверное, всё-таки придётся документы забирать.

– Понимаю. Ничего, мам, не переживай, я буду самообразованием заниматься.

Мама вздохнула, прищурилась, разглядывая его лицо. Вид у неё был беспомощный.

Сашка взял второй бутерброд, с удовольствием жевал, кивая в такт тихонько звучащей из радиоприёмника музыке. Мама встрепелась.

– Слышишь? Папа.

В прихожей захлопнулась дверь, зашуршал снимаемый плащ. Сашка отставил чашку и пошёл за матерью, подумав: «Кто б мне сказал, что буду хвостом за ней ходить, смеялся бы до икоты».

– Пашенька! Мы собирались к тебе, что ж ты сам...

– Не маленький. Надоело там до смерти, сбежал. За выпиской как-нибудь вечером заеду после работы. Покормишь? Я не завтракал, надоела преснятина, – отец обнял Сашку. – Здравствуй, сын, рад тебя видеть.

Шли в обнимку, заглянули в ванную, Сашка спросил:

– Пап, скажи, может человек жить не как все?

– Ты о чём?

– Не так, чтобы из вчера в сегодня, потом в завтра, а скачками, то туда, то обратно.

– А-а-а, – отец вытер руки, присел на край ванны. – Эйнштейн что-то такое доказал. Понимаешь, при некоторых математических выкладках постоянная времени сокращается, вот умники и делают вывод, что времени в глобальном смысле не существует.

– Как же без него? – удивился Сашка.

– Без него никак. Людям. Вот и дали его нам для удобства. Почему ты спрашиваешь? Из-за этих своих провалов?

– Драгоценные! – донёсся мамин голос. – Что застряли? Какао стынет.

– Папа, если ты разберёшься в этих делах с постоянной времени, напиши мне записку, ладно? – протараторил Сашка.

– Эх, сын, давно я мозгами не работал, одни купли-продажи на уме. Ладно, покопаюсь в литературе. Пошли, мама будет волноваться.

Завтракали вместе, родителям не надо было на работу, а Сашке в школу. Играла любимая мамина музыкальная радиостанция. За окном звучал реп дождя. Сидели, общались. Отец

смешил историями из больничной жизни. Мама вспоминала потешные высказывания своих подопечных в детском саду. «Как раньше», – думал Сашка, хотя было лучше, чем раньше.

До самого вечера не отходил от родителей, не хотел снова оказаться там, где ему признались, что он не родной. Приговором звучало мамино:

– Санечка, пора спать, нам с папой завтра на работу.

У Сашки давно глаза слипались, он вздохнул и сказал:

– Посидишь со мной?

– Конечно.

Чувствовал себя счастливым. Мама держала в ладонях его руку и что-то тихонько говорила. Как в далёком детстве, когда спокойно засыпал, только если она рядом.

Наутро никого не нашёл. Вернее, проснулся в пустой квартире, часы в коридоре показывали три часа пополудни. Не мог он столько проспать, опять куда-то перескочил. Нахлынула горечь, словно его в очередной раз предали. Пошатался по квартире, включил и выключил телевизор. Тоска погнала к компьютеру. На столе рядом с монитором обосновалась кипа листов печатного текста, на ней записка отца:

«Александр, я подготовил материалы для занятий. Советую подналечь на программирование. Если освоишь, сможешь работать на дому, а готовые программы отсылать заказчику по электронной почте в удобное время».

Сашка, держа письмо в руках, оттолкнулся ногой и отъехал в кресле от стола, покрутился, снова толкнулся, прокатился по комнате.

– Ладно, папа, – сказал он вслух. – Обязательно подналягу, но сначала прогуляюсь.

На улице стояло лето. Привычно забросил за спину рюкзак с курткой и выбежал во двор. Здесь Сашка застыл, потерянно оглядываясь. К частой смене убора деревьев он уже привык, но почему они стали заметно ниже? Ещё накануне верхушки доходили до пятого этажа, а теперь едва прикрывают третий. А куда делся ярко-синий заборчик, который поставили три года назад вокруг детской площадки? За кустами виднелась верхушка лесенки в виде ракеты, по которой он маленьким любил взбираться к небу. Это старьё спилили давно, обустроив площадку модными горками и качелями.

– Санечка! – позвал его мамин голос. – Драгоценность моя, постучи лопаткой по ведёрку, кулич получится ровней. Какой молодец!

Саша подошёл ближе. На скамейке сидели молодые женщины, среди них мать, ещё та, с давних фотографий. Несколько карапузов возились в песочнице. На одном была обожаемая кепка с выпуклыми медвежатами над козырьком. Мальчонка старательно загружал песок в ярко-жёлтую форму, чуть оттопырив губу и склонив голову. «Этого ещё не хватало, – подумал наблюдатель, – лучше бы программирование изучал». Мама, почувствовав что-то, обернулась. Сашка отпрянул и стремительно зашагал прочь.

Бесцельно бродил по знакомым и таким непривычным дворам, думать ни о чём не хотел, но в голове гвоздём сидело опасение: что ждёт дома? Детская кроватка? Кубики и машинки?

«Интересно, какой теперь год?» – подумал Сашка, увидев павильон, где продавали журналы и газеты. Постоял, разглядывая. На одной из газет заметил знакомую дату, именно ту, какую приходилось указывать в анкетах. Его день рождения: число, месяц и год.

– Свежая? – спросил хмурую женщину за прилавком.

– Протухшая, – сипло ответила та, но увидев огорчённое лицо парнишки, смягчилась. – Сегодняшняя.

У Сашки в памяти всплыл разговор с мамой. Сейчас, в этот самый день, настоящая мать отказывается от него. Огляделся, роддом недалеко. Побежал. Вот ворота в больничный парк, здесь всё не так, как было, когда навещали отца. Здание, где кардиология, ещё не обшарпанное, инфекционный вообще не достроен.

Вскоре оказался у входа, который запечатлён на их самом первом семейном фото, где улыбающийся и счастливый отец держит крохотного ребёнка в лёгком одеяльце, а мать стоит, привалившись к мужнину плечу с букетом чайных роз в руках.

Сашка робко вошёл в тускло-освещённое помещение. Там находилась молоденькая медсестра.

– Тебе чего, мальчик? – спросила она.

– Моя мама рождает.

– За маму волнуешься? – по-доброму улыбнулась девушка. – Сейчас всё узнаем.

Она подошла к белой тумбочке с громоздким телефонным аппаратом, сняла трубку. В эту минуту в помещение вошла другая девушка в светлом форменном костюме.

– Вера! А я тебе звоню, – сказала первая, – молодой человек роженицей интересуется, мама его.

– Цыганка сейчас рождает, – Вера подняла правую бровь, лицо её приняло вопросительное выражение. – Ты что-то на цыганёнка не похож. Потом, она говорит, одни дочки у неё.

Сашка переминался с ноги на ногу, не зная, что сказать.

Девушки пошептались, Сашка расслышал только:

– Неужели в дом малютки? Жаль, такой хорошенький.

– У Лидии Васильевны на этого малыша планы, – успокоила подругу Вера уже громче.

– А мать? Не передумает?

– Отказ написала. Уходит. Собирается там, – медсестра обернулась к Сашке. – Нет у нас твоей мамы, что-то перепутал.

– Скажите, как фамилия этой, которая отказывается.

– Зачем тебе? Первородящая, твоей мамой быть никак не может, – засмеялась Вера.

Другая девушка весело добавила:

– Иди у папы спроси, где твоя мама.

Скрипнула дверь, через которую чуть раньше зашла Вера. Показалась хрупкая девушка, почти девочка, выглядела едва ли не младше Сашкиных одноклассниц. На ней болтались джинсы, стянутые чем-то на талии, и мешковатая бирюзовая рубашка в тонкую зелёную полоску.

– Другой наряд не принесли? – спросила Вера.

– Кто принесёт? У меня нет никого, – ответила девушка, поправляя ремешок сумки на плече.

Кивнула, прощаясь, и пошла к выходу.

– Ребёнка не ищи, – вслед ей сказала медсестра, – отдадут усыновителям, а это тайна.

Девушка не обернулась, замерла на миг, вздрогнула всем телом и вышла. Сашка кинулся за ней.

– Пойдите! – крикнул и в два шага догнал. – Надо поговорить.

Девушка испуганно обернулась.

– Я знаю, кто усыновит вашего ребёнка, хотите, скажу? – жалобно пролепетал Сашка.

Как будто по команде, слёзы огромные и быстрые потекли по щекам девушки. Не смахивала, стояла, смотрела влажным взглядом, губы дрожали.

– Ты кто?

– Не реви! – голос Сашки срывался. – Пожалуйста. Они очень хорошие люди, будут любить его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.